

Николай Трофимович Чадович
Юрий Михайлович Брайдер
Каин еще не родился

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141888
Телепатическое ружье: Эридан; Минск; 1994
ISBN 5-85872-034-x

Содержание

Пролог	4
1. В рай с черного хода!	9
2. Волк – он и в раю волк	11
3. Райская семейка	14
4. Нектар и амброзия на ужин	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Юрий Брайдер, Николай Чадович

Каин еще не родился

Пролог

«Журналист» и «ученый»

Отыскал я, значит, нужный кабинет, постучал вежливо и вхожу. В приемной никого: седьмой час, секретарша, понятное дело, уже отбыла. В полном соответствии с трудовым законодательством. Тогда я по ковровой дорожке напрямик к следующей двери. Опять стучу, опять вхожу.

– Здравствуйте, – говорю с порога. – Журнал «Эврика». Заведующий отделом горизонтов и проблем науки Авдей Сычев.

На самом деле по паспорту я Саша Анохин. Александр Васильевич, если хотите. Для своих – просто Саня. В редакции я всего вторую неделю. Самое ответственное дело, которое мне там пока доверяют – это откупорить тюбик с клеем. Даже при галстукке и в очках «Сенатор» вид у меня не очень импозантный. Об этом, кстати, мне и Авдей Кузьмич на инструктаже говорил. А еще он сказал: «Ты, Санька, главное, не тушуйся. Внешность-дело второстепенное. Самый толковый журналист, которого я знал, больше всего был похож на грузчика из бакалейной базы».

И точно! Хозяин кабинета (судя по табличке на дверях – член-корреспондент, доктор физико-математических наук и профессор), услышав фамилию автора знаменитой статьи «Мои встречи со снежным человеком», чуть не подпрыгнул в своем кресле.

– Рад, очень рад! – воскликнул он с таким энтузиазмом, словно перед ним предстал, по крайней мере, директор универсама «Центральный». – Давно мечтаю познакомиться!.. Хотя, признаться, я представлял вас себе несколько иным...

Ну вот, начинается! Со слегка обиженным видом я полез во внутренний карман пиджака, где у меня кроме проездного билета на автобус, газовой зажигалки «Ронсон» (взятой, как и очки, для солидности) да всяких бумажек ничего не имелось. Прием, конечно, наивный. На милицию и персонал детских учреждений давно не действует. Но с научной и творческой интеллигенцией иногда проходит.

Так и есть – профессор вскочил, руками замахал:

– Ну что вы, что вы! Садитесь, прошу вас!

Я присел, и хотя волнение, вкупе с чужими линзами, мешало мне сосредоточить взор на чем-либо определенном, все же отметил про себя, что профессор удивительно молод. Ну от силы лет на десять старше меня. А может, и того не будет. Интересно, когда же это он все успел? Ведь говорил же я себе тысячу раз – брось без дела шататься по улицам и в выходные спать до обеда, берись за ум... Тоже мог бы уже профессором стать. Или, в крайнем случае, заведомо горизонтов и Проблем... Как Авдей Кузьмич.

– Если не возражаете, приступим к делу, – эту фразу я заранее отрепетировал дома перед зеркалом.

Профессор кивнул и для чего-то приподнял лежащую перед ним папочку. В кресле он сидел как-то странно – боком. То ли еще не привык к нему, то ли уже успел заработать в нем геморрой.

Я тем временем небрежным жестом раскрыл блокнот. Все вопросы, которые настоящий Авдей Сычев собирался задать профессору, были записаны там в столбик. Под каждым вопросом оставались три чистых строки для ответа. Профессор славился своим лаконизмом

не менее, чем любовью к парадоксам. Глядя поверх очков, я прочел первый вопрос: «Ваша точка зрения на истинное положение человечества во Вселенной?»

Профессор отодвинул папочку еще дальше, и я увидел, что под ней лежит какая-то бумага. Ученый посмотрел сначала в эту бумагу, потом в потолок, потом снова в бумагу и, наконец, глубокомысленно изрек:

– Наука – попытка человека внести некий порядок в хаос природы. Поскольку никакого хаоса не существует, а имеется высший, недоступный нам пока порядок – наука является не чем иным, как самообманом.

По мере того, как профессор говорил, голос его становился все менее и менее уверенным. Закончив, он выжидательно посмотрел на меня, и уже совсем растерянно спросил:

– Ну что – не то?

– Не то... – не менее растерянно пробормотал я. – Про науку у меня вопросы в конце.

Вот так да! Вот так профессор! Попал, как говорится, пальцем в небо.

– Тогда попробуем что-нибудь другое... – он снова уткнулся в свою бумажку. – Может быть это: «В настоящее время человек представляет собой основной дестабилизирующий фактор среды»? «Человека» можно заменить на «человечество», а «среду» – на «Вселенную». Подходит?

– Подходит. Одну минуточку... Записываю... Так, следующий вопрос: «Расскажите коротко о главных направлениях ваших исследований?»

– Сейчас, сейчас... – вся его шпаргалка была покрыта размашистыми неразборчивыми строчками, и профессор, кривясь и морщась, пытался разобраться в них. – Ага! Вот: «Следует уяснить, что с точки зрения многомерного мироздания наша Вселенная не что иное, как сверхтонкий блин, один из бесконечного множества точно таких же или почти таких блинов. Причем каждая мини-Вселенная как бы свернута по отношению к любой другой, что полностью исключает какие бы то ни было взаимные влияния. Цель нашей работы – заглянуть, а если удастся, то и проникнуть за естественную границу нашего мира, проще говоря – в иное пространство».

– Подтверждаются ли ваши идеи практически?

– Безусловно! – профессор оторвался, наконец, от бумажки. – Установка для исследования сопредельных пространств уже действует.

– Тогда еще вопрос: «Что означает в философском плане...»

– Подождите, пожалуйста! – взмолился вдруг мой собеседник. – Вот тут все написано. Ответы на любой ваш вопрос. Только очень уж неразборчиво. Можете пользоваться.

– Так значит, вы не профессор? – дошло, наконец, до меня.

– Нет, я здесь лаборантом работаю, – сознался парень, и кончики ушей у него при этом покраснели. – Профессор час назад улетел на симпозиум в Сидней. Уж извините, товарищ Сычев, что так получилось.

Ага, подумал я. С тобой все ясно! Видать, в юные годы тоже по улицам любил шататься, науку игнорировал – так и остался у серьезных людей на побегушках. Нечего теперь расстраиваться, сам виноват.

– Анохин моя фамилия, – сказал я. – А зовут Саней. И я под чужого дядю сегодня работаю. Авдей Кузьмич тоже улетел. Правда, не в Сидней, а поближе. Свидание у него с любимой женщиной. В редакции он никому, кроме меня, не доверяет. Говорит: «Один только ты, Санька, под меня еще не копаешь.»

– Володя, – представился лаборант. – Насчет Сиднея, я, конечно, пошутил. Профессор дома спит. Сутки напролет работал. Знаете ведь, как у них со временем.

Тут нам обоим сразу полегчало. Я узел на галстук расслабил и очки снял. А он в кресле развалился и ноги на журнальный столик положил.

– Что же тогда получается? – чуть не хохочу я. – Ты не настоящий! Я не настоящий! Может и установка ваша не настоящая?

– Ну нет! – успокоил он меня. – Тут все как надо. Испытано, одобрено и защищено патентами. У шефа, считай, уже Нобелевка в кармане. Было бы желание, можно хоть сейчас – ф-ф-р-р – и улететь в сопредельное пространство.

– И был там уже кто-нибудь?

– Ты что! Мы же о нем почти ничего не знаем. Так черт знает куда можно попасть. Ведь там все иное может оказаться: и гравитация, и время, и даже структура материи.

– Может, хоть кота или собаку запускали?

– Исключено! А вдруг в том пространстве люди всего с палец величиной? Представляешь, что наш кот может натворить?

– Выходит, изобрели машинку, а она ни туда ни сюда?

– Почему же? – парень, вроде, даже обиделся. – Эксперименты идут полным ходом. Строго по плану. Из сопредельного пространства уже получена одна молекула газа. Изучается.

– А глянуть на нее можно?

– На молекулу?

– Нет, на вашу установку.

– А мы, считай, прямо в ней и находимся. Тут на каждом этаже ее узлы. Но все основное, конечно, под землей... Ключи от главного зала я могу взять... Да только посторонних туда водить не положено.

– Какой я посторонний? Я же пресса! Нас даже в роддом без халатов пускают.

– Ну если так... Только чур – об этом никому!

– Что за вопрос, коллега!

Лифт оказался прямо в профессорском кабинете. В смежной комнате. Очень удобно. Через пару минут мы были там, где нужно. Гляжу – коридор бетонный, как в бомбоубежище, а в самом его конце одна-единственная дверь. Мой парень прямо к ней подошел и сначала какие-то кнопочки потыкал. В окошечке над дверью шестизначный номер загорелся. Понятно – сенсор. У меня в телевизоре такой есть. Только уже давно не работает.

После этого лаборант ключ достал и в замочную скважину вставил. Я такого ключа отродясь не видал – обыкновенная гладкая пластинка длиной с палец. Ясно сразу – с большим секретом замок. А парень, видно, молодец, раз профессор ему не только свои каракули доверяет, но и ключи тоже.

В общем, заходим мы в этот самый главный зал. Холодно. И пахнет как-то странно – не то горелой изоляцией, не то канифолью. А может озоном. Я, правда, сам этого газа никогда не нюхал, но моя родная жена как только в лес хотя бы на полметра зайдет, так сразу и вещает: «Ох, чудненько! Оз-зон!»

– Верхний свет не горит. Но не очень темно. Глазки зеленые на приборах мигают, всякие экраны от потолка до пола светятся. Когда-то я в этом хозяйстве неплохо разбирался. Как-никак почти три года в кружок радиолюбителей ходил. Любой телевизор мог разобрать. Теперь, правда, подзабыл многое. Хотя резистор от транзистора отличу.

– Ну вот, любуйся! – сказал лаборант и по залу гордо так прошелся. Вроде как петух по курятнику. Рисует. Профессором себя воображает. – Это центральный пост управления. Здесь регистрационно-следящий комплекс. А там – контактная площадка. Оси пересечения пространств как раз на ней и находятся.

Смотрю – в дальнем конце зала на толстенных пружинах какая-то платформа установлена. Никелированная вся. Сразу видно, без халтуры сделана. А на ней чего только нет! Какие-то баллоны, аппараты, кабели, штучки всякие непонятные. Глаза разбегаются!

– А поближе посмотреть можно? – спрашиваю я почему-то шепотом. Понимаю, что никуда он от меня, голубок, уже не денется. Как говорится: «Влез по пояс – полезай по грудь.»

– Если только посмотреть... – замямлил он.

Ломается. Можно подумать, что он девица, а я хахаль.

– Но только руками ничего не трогать! Обещаешь?

– Что за вопрос! Обещаю!

И вот я уже на площадке. Жаль, фотоаппарата нет. Запечатлел бы кадр для потомства: «Александр Анохин лично осматривает первую модель установки для исследования сопредельных пространств!»

Постоял я немного на площадке, и вдруг такая тоска меня разобрала. Ведь глупости все это. Детство. Как сейчас помню, было тогда мне лет пять или шесть, залезешь, бывало, в кабину машины, руль покрутишь, побибикаешь – удовольствие! А потом придет шофер, сгонит тебя с сидения, заведет мотор и укатит куда-то в светлые дали. А ты останешься – маленький, сопливый, со всеми своими детскими неприятностями на душе. Вот так и здесь! Придет время и встанет на это место кто-то вышколенный, натренированный, щелкнет вот этим тумблерочком, нажмет вот эту кнопку, а еще лучше – эту... такая она красивая, красненькая, отрапортует четко: «К выполнению государственного задания готов!» – и сиганет в другое измерение. А пока он там прохлаждается, ему одних командировочных по триста рублей в день начислять будут. Семье дачу двухэтажную дадут, а каждому родственнику по новой квартире. А если он еще и живым оттуда вернется, тогда все – будущее обеспечено! Банкеты, ордена, звания, цветы и женщины. А я, если, конечно, выпускающий разрешит, буду лепить его цветные портреты на макет журнальной обложки. И все только потому, что не мне, а ему эту кнопку нажать доверили... Ну и тугая же она, аж палец занемел!

Вздыхнул я горько и полез с платформы. Да не тут-то было! С размаху лбом во что-то твердое ударился, как-будто передо мной вдруг стена стеклянная оказалась. Сунулся я в другую сторону – то же самое. Только уже не лбом, а вытянутыми руками уперся. Вот тебе и на! Попался, как сом в вершу.

– Але! – закричал я лаборанту. – Эй! Брось шутить! Выпусти!

У парня сразу рот раскрылся. Симпатичный парень, ничего не скажешь, только уж очень у него нижняя челюсть здорова – ну прямо галоша. Пол-лица занимает.

– Ты трогал что-нибудь? – спросил он, чуть не плача.

– Ничего я не трогал! Очень нужно... А что это такое красное у тебя за спиной мигает?

Обернулся он, а потом снова на меня уставился. Молчит. Только совсем белым стал. Это даже при свете красной мигалки заметно.

– Ты только, пожалуйста, не шевелись, – жалобно сказал он. – Стой как стоишь. Я сейчас что-нибудь придумаю.

– Да ты хоть объясни, что случилось? – заорал я с платформы. – Что мне тут, до самой пенсии быть?

– Нет, всего пятьдесят секунд осталось. Потом ты в сопредельное пространство переместишься.

Поплелся он к самому большому пульта, но что-то очень уж неуверенно. Подошел и встал. Смотрит на него, как тюлень на сноповязалку. Руку к какому-то рычагу потянул, потом отдернул. Надписи на пульте стал читать. Ну, это уже полный завал! Наверное, не лаборант он совсем! Вахтер какой-нибудь или, вообще, дежурный сантехник!

Идут, значит, эти последние секундочки, а я, как дурак, на одной ноге стою, руки в стороны раскинув. Ну что твоя балерина! «Танец умирающего козла!» И вдруг все – потухли красные лампы. Темнота наступила. И даже не темнота вовсе, а какие-то желтые сумерки. Как-будто я в бассейне с подсолнечным маслом оказался. Опустил я осторожно ногу, руками

вокруг пошарил – вроде бы уже нет стеклянной стены. Может, все же сумел меня этот недо-тепа выручить?

Постепенно желтая муть стала редеть. Прямо над головой у меня висело горячее яркое пятно. Лампа? Нет... Скорее – Солнце. Сквозь золотистый, прозрачный, как платице из киеи, туман я уже различал голубое небо и пышную зелень деревьев. А ведь, когда я шел в институт, на улицах горели фонари и валил мокрый снег. Пальто и шапка мои в гардеробе остались. Где теперь этот гардероб? Где улица Академическая, дом два, корпус четыре?..

Я стоял по колено в траве, а вокруг был лес, хоть и густой, но не очень высокий. Только одно-единственное дерево, росшее особняком, казалось, доставало до самого неба. Среди цветов, похожих на тарелки из антикварного сервиза, порхали бабочки, похожие на разно-цветные абажуры. Где же это я?.. Непривычно огромное, янтарного цвета солнце почти не слепило глаза. Я без труда различал его зернистую структуру, которая бурлила и перемешивалась, словно закипающая гречневая каша. Так где же я? Это не Земля? Это...

Вот, значит, какое оно – сопредельное пространство!

1. В рай с черного хода!

Если моя покойная бабушка, была права, и где-то все же существует рай, то это именно то место, в котором я очутился.

Относительно рая болтают много всякого. Считается, что являться туда положено голышом и без багажа. За этим, якобы, внимательно следят специально назначенные апостолы, денно и нощно несущие вахту у райских врат. Все наше прошлое, настоящее и будущее у них как на ладони. Им начхать на земные регалии, деньги и блат.

Со мной дело обстояло несколько иначе. Проник я в рай не совсем обычным путем – то ли через черный ход, то ли вообще через дырку в заборе. Поэтому никто не взвешивал мою душу на безмене и не тыкал в мое тело огненным мечом. Ничего хорошего от этого, думаю, не получилось бы.

Да и экипирован я был внушительно. Не в пример другим соискателям райского блаженства. При мне и на мне, кроме уже указанных очков, зажигалки и галстука, имелось еще: шерстяной костюм, сорочка, зимние полусапожки, некоторые другие предметы туалета, связка ключей, носовой платок и семь рублей денег мелкими купюрами.

Видимый мне участок рая был совершенно безлюден, чего, впрочем, и следовало ожидать. Очевидно, поток праведников, достаточно жидкий уже во времена поэта Данте, в наш просвещенный век иссяк окончательно.

Однако, все прочие атрибуты рая, как то: теплый душистый воздух, мягкая изумрудная трава, чистое голубое небо, звенящие хрустальные ручьи – имелись. Кусты росли правильными шарами. На одних и тех же ветках распускались цветы, зеленели завязи и наливались соком крупные красные ягоды. Примерно в сотне метров от меня, за неширокой рекой возвышалось огромное дерево, чем-то отдаленно напоминавшее наш дуб. Его ствол, лишенный дуплистых язв и заскорузлой коры, блестел на солнце, как гранитная колонна. На нижних ветках гроздьями висели плоды, похожие на ананасы.

В общем, все было в точности, как и положено в раю. Уж в этом вопросе я разбираюсь. Спросите – откуда? Конечно же, не от бабушки. Она, бедная, рай чем-то вроде санатория для ветеранов сцены представляла. Дескать, ходят там все в белых халатах и под арфу целый день хором псалмы поют. Ясно, что в такой рай нормального человека не заманишь. Идея райской жизни может иметь успех только в том случае, если в ней будут представлены именно те блага, которых не хватало в земной юдоли. К примеру та же бабушка, коротавшая свои последние годы на восьмом этаже блочного дома, страстно мечтала иметь корову. Следовательно, в раю ей обязаны выдать в безвозмездное пользование буренку-рекордистку, сорок соток сенокоса, сарайчик и все остальное, включая электросепаратор и маслобойку. Список того, чего не хватает в этой жизни мне, значительно обширнее, и я не хотел бы сейчас на этом останавливаться.

Это я к тому рассказываю, чтобы все поняли – райскую обстановку я не понаслышке знаю. Имеется у меня картина, «Сад Эдема» называется. Говорят, голландской школы. Не знаю на какой свалке ее один забулдыга из нашего двора нашел. С меня он сначала бутылку потребовал, но потом и за так отдал. Лильке, жене своей, я сказал, что это подлинник, в 1812 году французскими мародерами из Кремля украден и до сих пор Интерполом разыскивается. Поверить она мне, может, и не поверила, но за недостачу пятерки с аванса не очень корила. Поскольку на картине мелкие повреждения имелись, да и вообще, моя квартира не музей, мы этот «Сад Эдема» на даче пристроили. Так что в последнее время я райскими пейзажами по три-четыре раза в неделю любуюсь, а в случае скандалов с женой – даже чаще.

И что интересно – почти все на той картине в точности, как здесь. И дерево высокое имеется, и кустики подстриженные; и ручейки, и прочая оранжерейная природа. Но кое в

чем и разница есть. На полотне всякая живность изображена, от индюка до тигра. А тут наблюдается почти полное отсутствие фауны. Были бабочки, да и те куда-то улетели. Даже комары не кусают. Хотя они в раю, возможно, и не предусмотрены. Но я достаточно твердо стою на позициях материализма, дарвинизма и эволюции, привитых мне в средней школе, и поэтому понимаю – там, где есть ягоды, будет и тот, кто ими лакомится. А на каждую дюжину вегетарианцев обязательно найдется один любитель мясного. Круговорот веществ в природе. Ягодка – птичка – лисичка – потом жучок-червячок – и снова ягодка.

И не исключено, что какая-нибудь не очень крупная, обделенная силой и проворством тварь, уже успела пораскинуть скудными мозгами о своей невеселой доле, встала с горя на задние лапы, в передние взяла палку покрепче и начала подгонять природу под свое понимание жизни.

Короче, не может быть, чтобы в таком приятном местечке не завелись уже люди. Даже на моей картине Адам с Евой изображены. Под деревом. В полном неглиже. Поскольку на полотне в том самом месте дырка имеется, понять, чем конкретно занимаются наши прародители, совершенно невозможно. То ли они еще пребывают в чистоте и невинности, то ли уже вкусили запретный плод и предаются первородному греху.

Ну в общем, все это, конечно, так, болтовня. Сначала я, если честно сказать, здорово испугался. В чужой стране одному оказаться и то не сладко. А тут – чужое измерение! Это же от родной Земли дальше, чем любая звезда. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Однако, немного успокоившись, я понял, что все не так уж и плохо. Людей в беде у нас не положено бросать. За то, что невинного человека в другое измерение упекли, никто по головке не погладит. Придет профессор утром в институт, быстренько во всем разберется, придурковатого лаборанта (а может сантехника) с работы турнет и направит все научные силы на организацию спасательной экспедиции. Так что, думаю, ждать мне осталось недолго. Денька два-три. Ну, от силы неделю. Воды здесь хватает. А кормиться можно и ягодами. Да и ананасы на дубе выглядят весьма аппетитно.

Я сорвал горсть ягод и осторожно пожевал их. Они оказались очень сочными, но жгучими, как перец. Ничего, сварим. Из крапивы суп делают. Я похлопал по карману, проверяя, на месте ли зажигалка. Жаль, что сигареты в пальто оставил, на профессорские понадеялся.

Повесив пиджак на куст и разувшись, я прилег на траву. Ягодки определенно были какими-то хмельными. Голова приятно кружилась, мысли приходили легкие и радостные. Как тут ни крути, а все же я первый путешественник в сопредельное пространство. Такое не скоро забудется. По крайней мере, не при моей жизни. «Сенсация! Репортаж нашего сотрудника Александра Анохина из потустороннего мира!» Короче, хочешь не хочешь, а придется меня после возвращения назначить никак не ниже, чем заведомо. А что? Не глупей я того же Авдея Кузьмича. Хотя и четвертый курс заочного никак не могу закончить. Впрочем, начхать мне теперь на журнал. Я лучше докторскую тискану. «Некоторые аспекты вкусового и обонятельного восприятия многомерного мира». Институт или кафедру я, конечно, не потяну. А вот на зама по общим вопросам, пожалуй, соглашусь. Только как с Лилькой быть? Не может она соответствовать моему новому положению. Вульгарна и языкаста. Может развестись? Нет, неудобно. Скомпрометируюсь. Ладно, так и быть – пусть живет при мне. Грется, так сказать, в лучах чужой славы. А я себе на каждом континенте, кроме Антарктиды, конечно, по любовнице заведу... Вот в таких сладких мечтаниях я и уснул.

2. Волк – он и в раю волк

Проснулся я, как после грандиозной попойки, с жуткой головной болью и невыносимой жаждой. Еще не открыв глаза, я понял, что резкие движения мне сейчас противопоказаны. Мои насквозь отравленные внутренние органы за время сна кое-как приспособились к горизонтальному положению тела, и все попытки шевельнуться, а тем более встать, мгновенно вывели бы их из равновесия. Со стоном я разлепил веки и очень долго тупо рассматривал окружающий пейзаж, пытаюсь понять, где я и что со мной случилось.

В конце концов до меня все же дошло, что место, в котором я оказался, не имеет ничего общего ни с моей квартирой, ни с комнатой Таньки (есть у меня одна такая знакомая), ни с палатой вытрезвителя. Может я подрался с кем-нибудь, получил по мозгам и сейчас брежу в реанимации? А может я уже умер и пребываю в загробном мире? Нет, это исключено. Для ада здесь чересчур светло, а рай мне давно не грозит... Лет так с пятнадцати.

Едва я подумал про рай, как кое-какие разорванные цепочки в моей голове стали соединяться. Сначала я вспомнил красные ягодки. Потом – дуб. Потом – желтый туман. А немного погодя и все остальное: недоумка-лаборанта, платформу на пружинах, стеклянную стену.

Жгучий привкус перца все еще драл мне язык и небо. Вот тебе и ягодки! У-у, проклятые!.. Ведь всего штук пять съел, а по башке шибануло, как от бутылки спирта.

С великими трудами и муками я все же дотащился до ручья. Вода была холодной, чистой и вкусной, как газировка. Слегка притушив пылавший в моей утробе пожар, я несколько раз обмакнул голову в ледяную искристую струю. После этого полегчало. В черепке еще шумело, но мысли стали ясными и какими-то отрешенно-жестокими.

Самому мне отсюда ни за что не выбраться. Это ясно. Легче вон тот дуб голыми руками вырвать. Вопрос – смогут ли меня отсюда вытащить другие? Трудно сказать. Наука, конечно, сильна, но не всесильна. Попробуйте выпущенный из пушки снаряд вернуть обратно в казенник с полдороги. Не получится! Вот так и я – лечу сейчас на манер этого снаряда сквозь миры и пространства, все дальше и дальше от Земли, от своего родного измерения. И с каждой минутой мои шансы на возвращение уменьшаются.

Что же я буду здесь делать – совершенно один, без оружия, без инструментов, без теплой одежды? Ведь я ничего не знаю об этом мире. Бывает ли здесь зима? Водятся ли крупные хищники?

Нет, я не Робинзон Крузо. Уж себя-то я знаю. Долго в одиночку не протяну. Разучусь говорить, сойду с ума, стану животным. Чем так – лучше вниз головой с дуба! А еще лучше – нажрюсь пьяных ягод. Пары горстей, наверное, вполне хватит... Хочу домой! Хочу к Лилике! Не надо мне никакого рая!.. У, гадина лаборант, попался бы ты мне сейчас!..

Чувствуя себя несчастным и раздавленным, я побрел к реке, куда впадал ручей. Даже про пиджак и полусапожки забыл. Трава была мягкой, как пуховое одеяло, теплый воздух благоухал дезодорантом «Фиджи». Но все это я ощущал как бы со стороны. Я был совершенно чужим здесь. И все вокруг было чуждо мне.

Прямо в зените, почти не шевеля крыльями, парило несколько огромных птиц. Яркий солнечный свет мешал рассмотреть их. Мне они казались черными крестами, распластанными в жаркой голубизне неба. Птицы, наверное, уже заметили меня и поняли, что я не жилец на этом свете. Точно так же стервятники в пустыне кружат над отбившимся от стада беспомощным ягненком.

Слева хрустнула ветка. Верхушка одного из деревьев дрогнула, словно кто-то осторожно потрянул ее. Подойдя поближе, я увидел двух красивых миниатюрных козочек. Встав на задние ножки, они щипали с дерева листья. Заметив меня, козочки мгновенно оцепенели, потом дружно пискнули и высокими прыжками помчались прочь.

Шашлык побежал, вяло подумал я. Да только поймай его попробуй. А чего они такие пугливые? Не должны они людей бояться. Как это у классика: «Там на нехоженных дорожках следы непуганых зверей...» А эти, выходит, пуганые? Кем? Надо разобраться...

Кстати, а почему я вдруг решил, что здешний край дик и безлюден? Только потому, что мне сразу не отдавили ногу в толпе? Представляю, какое впечатление сложилось бы о Земле у какого-нибудь инопланетянина (или, скажем, – инопространственника), оказался он в пустыне Сахара. Кусал бы, наверное, в тоске свои шупальца и клял, как и я, свою пропащую жизнь. Мир этот огромен, а я, практически, ничего здесь не видел. Может быть по опушке леса проходит десятирядная автострада, а с вершины дуба открывается вид на огромный город? Пусть в нем живут даже не люди, а разумные пауки – как-нибудь столкнемся. Главное – город, центр цивилизации. Там обязательно разберутся, что к чему. Уж где-где, а в городе я не пропаду! Кстати, многие сейчас всюю клянут городскую жизнь. Дескать, и тесно, и шумно, и воздух не тот. Я этим крикунам ни на грош не верю. По крайней мере, ни один из них город на деревню еще не поменял. Мотнется на дачу или в турпоход – и обратно в шум и тесноту. Я вот уже скоро тридцать лет живу в неблагоприятных городских условиях – и ничего. Даже в весе регулярно прибавляю. Или с другой стороны к этому вопросу подойти. Помню, послали нас лет пять назад на картошку. Деревня – двадцать дворов. Глушь – дальше некуда. Радио туда подвели, а электричество еще нет. Раз в неделю подъезжает автолавка. Спички, соль, хлеб. Кино – в среду и субботу от дизельного генератора. Баня – кто как сумеет. Туалет – в любом ближайшем леске. Зато тишина! Воздух! Оз-зон! Нет, я лучше хлором буду дышать, только подавайте заодно и другие достижения цивилизации.

Итак, вперед! На поиски городов! Вот только обуюсь и пиджачок прихвачу.

Но не успел я сделать и пяти шагов, как какой-то очень крупный зверь вышел из кустов и встал прямо на моем пути. Несомненно, это был волк. Серый матерый волчище, с совершенно седым загривком, весь в клочковатой свалывшейся шерсти. Я узнал его сразу, хотя никогда раньше волков не видел. На воле их не очень-то встретишь, а в зоопарке я сразу бежал к клеткам с более экзотичными зверями. Конечно, он был похож на собаку. Но не более, чем чемпион мира по боксу в полутяжелом весе похож на какого-нибудь замухрышку-бухгалтера.

Не знаю почему, но у меня сложилось впечатление, что волк оказался здесь не случайно. Его бока ходили, как кузнечные мехи, язык свешивался наружу. Волк смотрел на меня безжалостно и мудро. Такие, как я, всегда были его врагами. Он ненавидел меня и всю мою родню уже очень давно, может быть, тысячи лет. Ему не нужно было угрожающе рычать, скалить клыки и рыть лапами землю, то есть готовиться к схватке. Смертельная схватка была его стихией, нормальным образом жизни.

И сейчас он медлил не потому, что боялся. Он просто ждал моих действий, прекрасно зная, что контрприем бывает результативнее любого приема. Поняв, что я не собираюсь нападать первым, он молча и стремительно бросился на меня.

Совершенно инстинктивно я попятился, зацепился за что-то и упал, задрал ноги. Тяжелое, деревянно-твердое тело ударило меня, как таран. Я вдохнул смрадный звериный запах. Где-то возле самого лица щелкнули челюсти. Не знаю, как мне удалось встать, откуда вдруг взялись быстрота и сила. Видимо, в каждом человеке до поры до времени тоже дремлет зверь. Волк прыгнул снова, без всякого труда сбил меня с ног, но вцепился почему-то не в горло, а в штаны, благо они были модные, с большим запасом на бедрах и ягодицах. Я кое-как выкарабкался, вскочил, изо всей силы рванул и, оставив почти всю нижнюю часть своего туалета в волчьих зубах, полетел с берега в речку.

Первое ощущение было такое, как-будто я с головой окунулся в кипяток. Ледяная вода на мгновение ослепила и оглушила меня, но я тут же ногами нащупал дно. Волк не последо-

вал за мной, и нетрудно было догадаться, почему именно. Холод пронзил мой мозг, проник буквально до селезенки, резанул по кишкам.

Зверюга оскалил желтые влажные клыки и коротко пролаял. Кусты у меня за спиной затрещали. Я оглянулся и увидел еще одного волка – чуть помельче первого, с черной спиной и надорванным ухом. Ловушка захлопнулась.

Да, теперь мне уже никуда отсюда не деться. Выбор не очень велик – утонуть в речке или попасть на обед к волкам. В качестве главного блюда. Ни то ни другое, меня, конечно, не устраивало. Эх, ружьишко бы сейчас. Или хотя бы самый обыкновенный кол. Доконали вы меня, сволочи! Ну и черт с вами. Грызите меня волки, жрите рыбы, клюйте вороны! Вольемся в круговорот природы. Дадим жизнь цветкам и мошкам. Только бы скорее! Только бы не мучиться!

Со стороны дуба раздался низкий глухой вой. Ага, волкам подходит подмога! Жалко мне вас, серые! На всех меня не хватит. По кусочку только и достанется.

И тут метрах в десяти выше меня по течению из кустов вышел человек. Загорелый, с длинной бородой и еще более длинными волосами.

Как и положено Адаму, он был совершенно гол.

3. Райская семейка

Стоя у самой воды, человек снова завыл. Интересно, что он хочет – напугать волков или, наоборот, приободрить? Появление нового действующего лица вроде бы не произвело на хищников особого впечатления. Молодой, опустив морду к самой земле, продолжал, как маятник, мотаться по берегу. Старый зло и отрывисто рывкнул на волосатика: отцепись, мол, не до тебя сейчас.

Человек отступил в кусты, так что осталась видна только его голова, и выдал целую арию на волчьем языке. Тут были и вой, и визг, и шипение, и фыркание. Мой седой недоброжелатель вскочил, шерсть на его загривке встала дыбом. Яростно рыча, он несколько раз крутнулся на одном месте, словно хотел поймать себя за хвост, а потом быстро, не оглядываясь, пошел прочь. Второй волк, не мешкая, последовал его примеру.

Человек вылез из кустов и неторопливо приблизился ко мне. С вину это был ничем не примечательный мужичок средних лет. Только очень уж нестриженный. Это придавало ему сходство не то с монахом, не то со знаменитым бас-гитаристом из популярного рок-ансамбля «Керогаз».

Остановившись напротив меня, райский житель задумчиво почесал за ухом, словно решая, стоит ли мараться, спасая меня, а потом заговорил. Речь его была немного сиплой, но внятной и убедительной, слова короткими и звучными. Каждую фразу он сопровождал быстрыми, очень выразительными жестами. Нетрудно было догадаться, что меня приглашают выйти на берег.

Я и рад бы – но уже ни рук, ни ног не чувствую. Впечатление такое, что у меня осталась только одна голова, а в этой голове медленно-медленно ворочаются какие-то неясные, тягучие мыслишки да тупо ноют все зубы одновременно.

Адам голосом и руками изобразил раздражение, буркнул в мой адрес что-то не совсем лестное и, ойкая от холода, полез в воду. Держась одной рукой за куст, он другой ухватил меня за волосы и отбуксировал на мелкое место. До травки я кое-как дополз сам, но уж тут-то мои силы исчерпались полностью и окончательно.

Адам на своем языке продолжал меня о чем-то выпрашивать, не забывая при этом время от времени ворочать мое почти бездыханное тело с боку на бок. Что б я, значит, на солнышке обсох. Со стороны глянуть – смешная картина! Я, цивилизованный человек, валяюсь в унижительной позе перед голым дикарем.

Вскоре Адаму надоело надирать голосовые связки. Поднатужившись, он взвалил меня на спину и потащил в сторону, противоположную той, куда ушли волки. Тут мне стало совсем худо. Адам был мужик хоть и крепкий, но ростом не очень. Мой подбородок кололся о его лохматую макушку, а ступни волочились по земле. И вообще, неприятное это дело, когда тебя, словно мороженую свиную тушу волокут куда-то в неизвестном направлении. А тут еще ноги стали отходить. Ощущение такое, как будто по тебе от пяток до пояса пьяные ежики катаются!

Неважные мои дела. Если и останусь жив, двухстороннее воспаление легких обеспечено. На местную медицину надежды мало. Судя по внешнему виду Адама, тут не то что пенициллина, даже дегтя еще не изобрели. Да и спасатель мой особого доверия не внушает. Попробуй разберись, что у него на уме. Может он собирается меня своим идолам в жертву принести? Или вообще на фарш пустить. Не исключено, что он с волками на паях работает. Те случайных прохожих в ледяную воду загоняют, а тонкий кулинарный труд возложен на представителей местного населения.

– Эй, дядя, – пробормотал я. – Куда ты хоть меня тащишь?

Он только фыркнул и еще быстрее попер. Не человек, а трактор «Беларусь». Я хоть и нахожусь почти в полной отключке, но по сторонам озираться не забываю – дорогу стараюсь запомнить. С Адама какой спрос – дитя природы! А мне пиджак и полусапожки совсем не лишние.

Скоро дуб из моего поля зрения скрылся, но другие ориентиры стали попадаться: пенек, из которого сразу три тоненьких деревца растут, узкий овражек, огромный замшелый валун.

Наконец Адам меня со спины сбросил. Приехали, значит. Котла с кипящей водой не видно. Идола, человеческой кровью измазанного, тоже. И на том спасибо!

Посреди чистенькой зеленой поляны (этот бы газон да на наше футбольное поле!) стоит домик не домик, а так – шалаш. Из лозы очень аккуратно сплетен. Поблизости ни забора, ни туалета, ни свинарника. Только всякие живописные коряги – вроде тех, что на выставке «Природа и фантазия» демонстрируют. И птиц кругом видимо-невидимо. Маленькие, как наши шмели. Красные, фиолетовые, белые – в глазах рябит. И все чирикают, чтоб им неладно было. Не видят разве, что человек кончается?

Тут занавески на дверях шалаша раздвинулись. Вышла оттуда женщина цветущего вида с волосами до пояса, а за ней безусый паренек допризывного возраста. Само собой, оба голые. Только шею женщины украшает ожерелье из сушеных ягод. Ева, значит. Кстати, я ее так себе и представлял. А вот паренек кто? Каин или Авель? Лучше, конечно, если Авель.

Стал Адам им что-то рассказывать. Про меня, как видно. Мальчишка явно перетрусил и обратно в шалаш залез. А Ева стоит в непринужденной позе, руки в крутые бедра уперла, локон покусывает, на меня то ли с жалостью, то ли с отвращением поглядывает. Конечно, зрелище я представляю малопривлекательное. Валяюсь перед дамой весь мокрый, в разорванной сорочке и почти без штанов.

Наконец, она какое-то решение приняла, волосы за спину забросила, супругу сказала что-то и тут же свои слова жестом продублировала. Не то шкуру с меня содрать велела, не то на прежнее место отнести и там утопить. Уж очень у нее решительный жест получился.

Но здесь Адам свой характер показал. Голос повысил и бородой затряс. Рукой куда-то назад показывает, вроде как на чей-то авторитет ссылается. Они бы еще долго так спорили, но тут я чихать начал. Не сильно, но, наверное, очень жалобно. Ева ко мне наклонилась, лоб пощупала, вздохнула. Сказала что-то, но уже совсем другим тоном. Адам головой согласно закивал, схватил меня за микитки и прислонил к стенке шалаша. И давай они с меня последнюю одежду срывать. Минуты не прошло, как я остался в чем мать родила. Стою, шатаюсь, бледный, волосатый, с вдавленной грудью и синим шрамом от вырезанного аппендикса на брюхе. Словом, совсем не Аполлон, а скорее полудохлая обезьяна из передвижного зоопарка.

Но хозяева мои очень довольны остались. Заулыбались даже, словно богатого родственника встретили. Адам меня по плечу похлопал, а Ева вытащила из кучи мокрого тряпья галстук и повязала мне на шею бантиком. Как собачонке.

И тут я вдруг такое облегчение почувствовал, как-будто всю жизнь о том только и мечтал, чтобы голышом по чужому измерению прогуляться.

4. Нектар и амброзия на ужин

Вскоре на меня навалился новый приступ чиханья. Из носа потекло. Ева вынесла из шалаша горшок с каким-то пойлом и подала мне. Теплое и почти безвкусное, оно вязало рот, как сок хурмы. Затем она стала растирать мои грудь и спину пучками жестких буроватых листьев. Через пару минут все мое тело горело, словно меня намазали скипидаром. Но постепенно зуд прошел, и я задремал на солнышке.

Проснулся уже на закате, совершенно здоровым. О купании напоминало только першение в горле. В мою честь на свежем воздухе был устроен скромный ужин. Состоял он из одного-единственного блюда – тех самых ананасов, которые я видел на дубе. Кроме того перед каждым участником трапезы стоял небольшой горшок с питьем. Ни ложек, ни вилок, естественно, не было. Бедно живут мои хозяева. Где-то на уровне каменного века. Хотя на дикарей совсем не похожи. Особенно Ева. Ее хоть сейчас в кино снимай. Графиня или иностранная шпионка из нее, может, и не получится – личико простовато, зато на роль передового агронома, своей любовью перевоспитывающего отсталого председателя, лучшей фактуры не найти. Уж я-то в этих делах разбираюсь! Год на киностудии пожарником по совместительству работал. Да, что тут ни говори – лакомый кусочек достался Адаму.

О принятом здесь застольном этикете я не имел ни малейшего представления, поэтому наваливаться на ананасы не спешил. Дьявол знает, как их тут едят. Подожду Адама. Уж он-то не промахнется. Сразу видно – не дурак пожрать.

Однако, начали почему-то не с еды, а с питья. Все у них не как у людей! Но зато напитков – первый класс! Куда там нашему пиву или пепси-коле. Из чего они его, интересно, делают? Жаль только – посуда маловата.

Тут только я рассмотрел, что горшок вовсе не горшок, а просто-напросто плетеная корзина, обмазанная глиной. Сделано все, конечно, красиво, я бы сказал – по-авангардистски. Такой горшок и в музей не стыдно поставить. Но ведь супа в нем не сваришь! Ну неужели они, бедняги, даже огня не знают?

А тем временем Адам принялся за ананас. Выбрал самый крупный, очень ловко очистил и стал уплетать за обе щеки. Я, следуя его примеру, с помощью ногтей и зубов кое-как ободрал кожуру со своего плода, но первая же попытка отведать кусочек нежной светлорозовой мякоти закончилась плачевно. Брызги густого сока залепили мне все лицо. И не мне одному. Однако хозяева отнеслись к моей неловкости с милым равнодушием хорошо воспитанных людей. Адам тут же принялся обучать меня приемам обращения с ананасами. Правда, при этом он умял добрую половину моей порции, но ведь за всякую науку положено платить.

Сидим мы себе кружком и хрумкаем экзотические плоды. Адам бородой утирается, Ева пучком травы, я – пятерней. Конечно, с ананасом этот плод ничего общего не имеет. Он даже и не сладкий. Но вкуснее я еще ничего в жизни не пробовал. Ощущение такое, как-будто одновременно ешь копченого угря, шашлык по-карски, пирог с грибами и спелый персик. Говорите, не бывает такого? Я тоже так думал, пока сам не попробовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.